

Е.Ф. Литвинова

Василий Струве

Его жизнь и научная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Е11

Е11 **Е.Ф. Литвинова**
Василий Струве: Его жизнь и научная деятельность / Е.Ф. Литвинова – М.: Книга по Требованию, 2021. – 76 с.

ISBN 978-5-4241-2474-7

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2474-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Е.Ф. Литвинова, 2021

Елизавета Федоровна
Литвинова
Василий Струве. Его жизнь и
научная деятельность

*Биографический очерк Е. Ф. Литви-
новой
С портретом Струве*

ВВЕДЕНИЕ

Биография Василия Яковлевича Струве,¹ составленная мной, представляет вообще первый опыт описания жизни знаменитого астронома и директора Пулковской обсерватории, пятидесятилетие которой торжественно праздновали в августе 1889 года. В то время читающая публика познакомилась с характером этого важного для нас учреждения, но сама личность великого естествоиспытателя и его заслуги остались невыясненными для людей, не занимающихся астрономией. Между тем именно Струве Пулковская обсерватория главным образом обязана и своим существованием, и своим характером. Теперь для этого учреждения наступила новая пора жизни: недавно она перешла в руки русских астрономов, и времена Струве отныне принадлежат истории; они требуют справедливой, беспристрастной оценки... Такая оценка, разумеется, невозможна в общедоступной биографии. Здесь мы хотели бы, как всегда, дать общий очерк жизни и личности и приблизительное понятие об общем характере научной деятельности В. Я. Струве. Так как биографии В. Я. Струве не существует ни на одном языке, то при составлении ее мы располагали немногими источниками: это – речь Аргеландера в астрономическом обществе, заключающая около двадцати страниц, и такие же по объему воспоминания Савича, – вот и все, чем можно было воспользоваться. Пришлось дополнять эти скудные сведения, прибегая к помощи людей, лично знавших нашего знаменитого астронома. Сверх того, при описании научной деятельности Струве и его деятельности в качестве директора Пулковской обсерватории мы использовали сочинения В. Струве: “Fondation de Poulkovo” и “Description de l’observatoire de Poulkovo” и труды В. Струве и Отто Струве, относящиеся к тому же предмету; “Astronomie Stellaire” В. Струве; “Космология” А. Д. Путяты; его же “Кантовские и антикантовские идеи о звездных системах” и многие другие сочинения по астрономии.

3 апреля 1893 года исполнилось сто лет со дня рождения Струве; многие из близко знавших его людей, к счастью, еще живы, и теперь, можно сказать, наступает последний срок для составления полной его биографии людьми, располагающими более богатыми материалами. Мы, со своей стороны, желали бы, чтобы этот беглый популярный очерк жизни и деятельности В. Струве повлек за собой более подробную биографию Струве, которая могла бы удовлетворить людей, специально занимающихся астрономией.

ГЛАВА I

Первые двадцать лет жизни Вильгельма Струве. – Яков Струве. – Рождение и воспитание Вильгельма Струве в Альтоне. – Отношение к Шумахеру. – Карл Струве, старший брат Вильгельма. – Вильгельм Струве изучает филологию в Дерптском университете. – Краткий очерк истории Дерптского университета. – Паррот, ректор университета, и влияние его на Струве. – Переход от филологии к астрономии. – Защита диссертации на степень доктора философии в 1813 году. – Струве – экстраординарный профессор в Дерптском университете. – Савич о первых шагах Струве на поприще практической астрономии

О детстве и юности основателя Пулковской обсерватории нам известно немного, может быть, потому, что он крайне быстро перешел от детства к юношеству и из юноши превратился в зрелого, вполне самостоятельного человека – профессора, отца семейства и деятеля. В первые двадцать лет жизни В. Я. Струве вполне установился его характер и определилось призвание.

Фридрих Георг Вильгельм Струве родился 15(4) апреля 1793 года в Альтоне, где отец его, Яков, занимал с 1791 года место директора гимназии Христианеум. Яков Струве происходил из крестьян; физические недостатки избавили его от сохи; энергия же и необыкновенные способности открыли ему путь к умственной деятельности. Он вскоре сделался известным филологом и математиком. Любя науку, Струве-отец умел возбуждать к ней интерес в своих учениках и с большим рвением занимался воспитанием собственных сыновей. Старший сын его, Карл, вскоре сделался самостоятельным человеком и занял место учителя древних языков в дерптской гимназии. Впоследствии он был директором Альтшедтской гимназии в Кенигсберге, где оставил после себя славу деятельного, способного и знающего человека. Вильгельм Струве получил среднее образование в Христианеуме и всегда с любовью вспоминал о своей школьной жизни. Способности его развились также очень рано – на пятнадцатом году он окончил гимназический курс. Отцу предстояло выбрать университет для дальнейшего образования своего даровитого сына, и выбор его остановился на Дерпте. Германия переживала тогда смутное, тяжелое время, и немцы стремились в Россию, надеясь найти себе там спокойную деятельность и верное обеспечение; тогда не только в Дерпте, но и в Казанском университете было много немецких профессоров.

В 1808 году мы застаем Струве в Дерптском университете. Пылкий юноша восхищался великими поэтами Греции и Рима и с большим рвением изучал филологию, в то время как в его отечестве все, от первого до последнего человека, дрожали при имени Наполеона и не знали, что будет завтра. Берлин находился тогда под управлением французского маршала; Фихте перед многочисленной публикой читал свои знаменитые речи, или, вернее, *воззвания* к немецкой нации; по улицам же Берлина расхаживали неприятельские войска, заглушая барабанным боем голос философа. Но звук этого барабана давно смолк, а речи Фихте и теперь еще продолжают волновать кровь немецкого юношества.

В то время как одни заслушивались речами Фихте, другие были ослеплены блеском Первой империи, подчинившей себе Германию; перед немцами открылась совершенно неизвестная до того жизнь с возможностью случайного обогащения и такого же слепого счастья; на глазах у всех дочь бедного фабриканта

сделалась женой герцога, и не одна мать Гейне начинала грезить о *самых* золотых эполетах или о самых почетных должностях при дворе Наполеона для своего сына. Но отец Вильгельма Струве, вероятно, понимал всю непрочность Первой империи, и, если у него вообще было время мечтать о будущности своего одаренного сына, он желал видеть его таким же честным тружеником, каким был и сам.

Карл Струве, бывший одно время также доцентом в Дерптском университете, на своих лекциях предсказывал близкое падение Наполеона еще тогда, когда император французов был на высоте своего могущества. Это же мнение разделял, по всей вероятности, и его отец, хорошо понимая, что дело было не в силе Наполеона, а в слабости Германии.

В настоящее время существует мнение, что Германия своим современным положением обязана *школьному* учителю. Это, конечно, преувеличение, но в этом есть своя доля правды. Несчастья, преследовавшие Германию в начале XIX века, пробудили силы немецкого народа и привели его лучших людей к сознанию, что все спасение нации – в реформе воспитания и образования. Многие талантливые люди с жаром отдались в эту пору педагогике. К числу таких людей принадлежал и Яков Струве.

В доказательство нашего предположения сошлемся на ценные заметки Вильгельма Струве о жизни другого знаменитого астронома, Шумахера, получившего свое среднее образование в той же альтонской гимназии в то время, когда она находилась под управлением Якова Струве. Мать Шумахера, овдовев, поселилась в Альтоне, чтобы дать сыновьям своим лучшее в то время среднее образование в Христианеуме или академической гимназии. Астроном Шумахер был ровесником Карла Струве. По словам В. Струве, в этой гимназии давалось превосходное классическое образование, математика же, напротив, шла плохо, но не потому, чтобы ей не придавалось важного значения, а вследствие того, что она находилась в руках плохого преподавателя, так как долгое время невозможно было отыскать хорошего. Стремясь как-нибудь помочь горю, директор гимназии давал отдельно уроки этого предмета наиболее талантливым ученикам. В числе последних был Шумахер, получивший превосходную подготовку по математике, в награду, так сказать, за свое прилежание и успехи. Яков Струве заключал свой курс математики изложением учения о конических сечениях и началом анализа бесконечно малых. Программа курса математики, вероятно, обуславливалась желанием подготовить молодых людей к занятиям высшей математикой и астрономией, если они почувствуют склонность к этим наукам. Из такого отношения к ученикам, по нашему мнению, видно, что Яков Струве был не только обыкновенным добросовестным директором и просто знающим человеком; ему, сверх того, дорога была слава отечества; он заглядывал в далекое будущее и стремился сделать из своих воспитанников настоящих людей. Мы знаем также, что Яков Струве был автором очень хороших сочинений по математике.

Вильгельм Струве видится нам юношей свежим, здоровым, знающим и “хорошо вымуштрованным”, как все неизбалованные дети, привыкшие трудиться, повиноваться и сознавать свой долг. *Такого* сына можно было спокойно отпустить куда угодно, зная, что он не струсит перед трудностями, вообще не пропадет и не отвыкнет от дома, давшего ему в короткое время все, что необходимо человеку в жизни. *Такое* воспитание достигается только хорошим примером и нрав-

ственными навыками, бессознательно усвоенными в раннем детстве.

Вероятно, Яков Струве располагал весьма ограниченными средствами, потому что Вильгельму Струве, как и брату его Карлу, пришлось очень рано добывать свой хлеб.

По приезду в Дерпт Вильгельм при помощи своего брата приискал себе заработок. Он взял место воспитателя в семействе лифляндского дворянина Берга, старший сын которого впоследствии сделался графом и наместником Польши. Несмотря на свою молодость, Струве очень умело и добросовестно принялся за это дело и одинаково успешно учил и учился. Зимой он проводил в Дерпте, а летом уезжал с семейством Бергов в их наследственный замок Загниц. Жизнь Бергов имела мало общего с обстановкой директора альфонской гимназии в те времена; молодому учителю пришлось привыкать и присматриваться к условиям более светской жизни; он должен был приноровиться к тем сложным требованиям, которые ставят домашнему учителю знатные и богатые люди. К его счастью, семейство Бергов отличалось большой деликатностью, добротой и ценило труды молодого ученого. Общество светских людей принесло ему пользу: в доме Берга он приобрел хорошие манеры и тот внешний лоск, которые очень пригодились ему впоследствии.

Во времена Струве характер студенческой жизни в Дерпте был не похож на тот, какой известен нам теперь; из корпораций существовала одна только “*Cuironia*”, она образовалась в год поступления Струве в Дерптский университет. Но он не мог примкнуть к этому первому студенческому союзу, который составил, как показывает само название, из людей, принадлежавших к одной местности – Курляндии.

В 1810 году (год открытия Берлинского университета) В. Струве написал “рассуждение” на тему “*De studiis criticis et grammaticis opud Alexandrinos*”, за которое был награжден золотой медалью Дерптского университета. Работа эта была настолько удачна, что университет издал ее за свой собственный счет. Для семнадцатилетнего ученого это была большая честь. В 1811 году Струве уже окончил университетский курс филологических наук и выдержал установленный экзамен.

Итак, первые шаги будущего астронома в Дерптском университете можно назвать вполне удачными.

Изучая главным образом филологию, Струве посвящал часы своего досуга математическим наукам, к которым с детства питал большую склонность. Может быть, кому-то покажется удивительным, что Струве в молодости отдавал предпочтение филологии перед математикой и естествознанием. Но это объясняется многими причинами: главное направление академической гимназии было филологическим; к этому присоединилось весьма естественное желание идти по стопам отца и старшего брата; наконец, очень вероятно, что этот предмет был выбран по совету отца как наиболее выгодный в то время для добывания хлеба. Такое же первоначальное отношение к математике мы встречаем у многих других гениальных ученых: Эйлер и Д'Аламбер тоже занимались в юности математикой для развлечения; первый изучал главным образом теологию и медицину, а второй – медицину и юриспруденцию. Призвание Струве, впрочем, обнаружилось весьма скоро, и в этом важном событии Дерптскому университету принадлежит такая видная роль, что мы считаем уместным сказать здесь несколько слов о его

истории.

В 1632 году шведский король Густав-Адольф основал в Дерпте протестантский университет; это было вскоре после того, как он овладел Лифляндией. Во время Северной войны университет был переведен в Пернов; но, вероятно, из-за трудностей военного времени университет прекратил свое существование. В 1704 году Петр Великий взял Дерпт вместе с другими городами Остзейских провинций. Лифляндское дворянство, так называемое рыцарство, в 1710 году подало прошение царю с просьбой о подтверждении своих прав и преимуществ и о возобновлении университета. Однако, несмотря на полученное согласие царя, университет не только не был открыт, но о нем даже как будто забыли. Вероятно, в этом не было никакой надобности. Прибалтам знакома и открыта дорога в Германию; с этой страной их связывали общий язык образованных классов и религия. Они ездили учиться в германские университеты. Если не хватало своих пасторов, учителей, медиков, то их приглашали из-за границы. Так продолжалось до 1798 года, когда император Павел вдруг своей самодержавной властью пресек всякое сообщение России и Остзейских провинций с заграницей; молодым людям было строго запрещено ездить туда учиться. Тогда-то возник снова вопрос об университете; в самом деле, откуда же было брать пасторов для приходов, учителей для школ, медиков и юристов. Пришлось просить императора о разрешении открытия университета в Дерпте. Император подписал университетский устав, но приказал открыть университет не в Дерпте, а в Митаве. Смерть Павла остановила открытие университета; Александр I предпочел Дерпт Митаве. Университет, после столь долгого перерыва, был возобновлен в 1802 году, и ректором был назначен Паррот (француз по происхождению), человек необыкновенного ума и отличавшийся сильным характером; он был известен лично Александру I. Паррот вскоре заметил, что устав, составленный рыцарством и подписанный императором Павлом, представляет много неудобств и ставит университет в полную зависимость от дворянства, которое пожертвовало на него деньги, принесло ему в дар земельную собственность, но в то же время не желало выпускать его из своих рук. Император Александр I по настоянию Паррота в 1804 году отменил особый устав Дерптского университета, подчинил его общему уставу, учредил Дерптский учебный округ, и с тех пор университет этот именуется императорским. Это совершилось ровно через сто лет после взятия Дерпта Петром Великим. Итак, жизнь прибалтийских губерний сблизилась несколько с русской, хотя сообщения с Германией снова были восстановлены. Прибалтийские губернии в то время несли все повинности и службу, которые требовались от прочих губерний по тогдашним обстоятельствам вследствие тягостной и продолжительной войны с Наполеоном. Наполеон был в то время общим врагом Германии и России, и немцы терпели от него более чем русские. Но ужасы войны не коснулись непосредственно Дерпта, от нашествия неприятеля в 1812 году пострадали только Рига и ее ближайшие окрестности. Многие незабвенные защитники России принадлежали этому краю, например, Барклай де Толли.

Жизнь в балтийских провинциях вообще представляла большую неурядицу в отношениях между отдельными народностями и классами; однако, все это не касалось университета и ученого сословия: оно состояло преимущественно из иностранцев немцев, которые в Дерпте жили совершенно так же, как в Альтоне

и Кенигсберге, соблюдая свои нравы и обычаи. Студенческая жизнь новорожденного университета, как мы сказали, в то время еще не сложилась, научные интересы были не только преобладающими, но единственными в среде университетской молодежи. Профессоров было немного: весь математический факультет сосредоточивался в руках одного человека, но зато отношения между преподавателями и учащимися были весьма близкими – патриархальными. Все это, конечно, должно было выгодно отозваться на занятиях Струве и его настроении. Он чувствовал себя в Дерпте вполне дома, говоря на родном языке и встречая на каждом шагу нравы и обычаи своей родины. Но Струве обязан Дерптскому университету главным образом тем, что здесь под влиянием просвещенного ректора Паррота вскоре выяснилось его истинное призвание. Отношения Паррота к студентам Дерптского университета не имели ничего общего с теми формальными отношениями, которые мы видим теперь повсюду. В то время заботы о дисциплине в заведении, о тишине и порядке не отнимали так много времени, как теперь, и Паррот был истинным отцом своих студентов. Такое участие отзывалось на них особенно плодотворно, потому что он был в то же время весьма талантливым и наблюдательным человеком.

Мы уже говорили, что, несмотря на блестящие успехи в области филологии, Струве не мог ограничиться одной этой наукой. Дома он получил основательную подготовку по математике, открывшую ему возможность слушать лекции по астрономии и физике; последнюю же в то время замечательно хорошо преподавал Паррот. Сын Паррота, студент Дерптского университета, вскоре подружился с молодым Струве, и потому последний часто посещал дом ректора. Рыбак рыбака видит издалека, – говорит русская пословица, – ректор Паррот вскоре заметил необыкновенные способности Струве к наблюдательным наукам; при таких близких отношениях, в которых в то время находились профессоры со студентами, представлялось множество случаев, где Струве мог обнаруживать свое редкое остроумие и находчивость; вскоре он увлекся естественными науками, однако в то же время не оставлял главного предмета своих занятий: познания его в древних языках быстро росли и обратили на себя внимание училищного совета Дерптского учебного округа; Струве предлагали место старшего учителя гимназии, когда молодому ученому не было еще и двадцати лет. Это место и было той пристанью, к которой под влиянием отца и старшего брата стремился Струве. Но ввиду перспективы этой пристани в судьбу будущего астронома и вмешался живой, доброжелательный и властный Паррот. Ректор внушил Струве, что как естествоиспытатель по складу своего ума он должен отказаться от карьеры филолога, сулившей молодому небогатому человеку полное обеспечение в самом близком будущем. Струве, к счастью для астрономии, последовал умному и доброму совету. Это было очень важной услугой для самого Струве, которой он никогда не мог забыть; через сорок лет, достигши всевозможных почестей и славы, знаменитый ученый произнес на могиле Паррота такую прочувствованную речь, что каждое ее слово глубоко врезалось в память всех присутствовавших.

Итак, мы видим, что по настоянию Паррота Струве оставил свои занятия филологией в то время, когда он преодолел все трудности и ему предстояло только пожинать лавры. Но это еще не дает ответа на вопрос, почему в области естествознания он так скоро остановился на астрономии, а не отдался всецело

физике, которой, как видим, занимался с увлечением и с успехом. К сожалению, мы не имеем никаких данных для прямого ответа на такой весьма естественный вопрос, и нам приходится прибегнуть к догадкам; но, прежде чем обратиться к ним, заметим вскользь, что переход от филологии к естествознанию совсем не так резок, как нам это кажется в настоящее время. Каждый учебный предмет способен развить все стороны человеческого ума, если его преподают как следует, приучая учеников к самостоятельному мышлению. Мы можем указать многих видных математиков, со страстью занимавшихся изучением языков. Гаусс шестидесяти лет учился русскому языку единственно из любви к искусству, как он сам говорил – для развлечения и отдыха.

Занятия филологией не только не помешали Струве сделаться впоследствии великим естествоиспытателем, но принесли пользу: они развили в нем то красноречие, которое так очаровывало потом его слушателей.

Для уяснения намеченного нами вопроса обратимся снова к заметкам В. Струве о жизни Шумахера.

“Император Александр I, – говорит он, – основал в 1804 году в Дерпте гимназию. Первым старшим учителем греческого языка приглашен был мой брат Карл Струве, который до того времени состоял воспитателем в одном благородном семействе в Лифляндии. Получив место учителя гимназии, он обратился к Шумахеру, своему товарищу по гимназии и университету, с предложением занять оставленное им место воспитателя в семействе фон Мейнерсов, которое жило в своем поместье Фольк в семидесяти верстах от Дерпта. Шумахер принял это предложение и приехал в ноябре 1804 года в Лифляндию. Здесь он снова взялся за математику и в часы досуга переводил “Геометрию” Карно на немецкий язык. Зимой семейство фон Мейнерсов, по всей вероятности, проводило в Дерпте, и достоверно известно, что Шумахер зимой 1807 года жил в этом городе. Здесь он познакомился с профессором математики и астрономии Пфаффом, человеком, горячо преданным своей науке. Пфафф в то время издавал периодические отчеты о своих исследованиях и астрономических наблюдениях. В них мы встречаем также имя Шумахера; сперва он принимал участие только в вычислениях, а потом сделался и самостоятельным наблюдателем-астрономом. Насколько мне известно, Шумахер *почувствовал склонность к астрономии в Дерпте*. Летом 1807 года Шумахер уехал из Лифляндии в Гольштейн, в августе я виделся с ним в доме моего отца”.

Из того, что Струве говорит здесь о Шумахере, многое может относиться и непосредственно к нашему астроному. Мы видим, что в Дерптском университете в первые годы его основания процветал, по крайней мере, интерес к астрономии; он оказал огромную услугу науке уже тем, что привлек к астрономии Шумахера. Шумахер был дружен с семейством Струве и мог, в свою очередь, возбудить в Вильгельме любовь к этой науке. Шумахер отличался общительным характером; новичок в астрономии, он не мог не поделиться со своими друзьями живыми впечатлениями, испытанными им в Дерпте. Однако до изучения астрономии Шумахер ревностно штудировал юриспруденцию, зачитывался классиками, а Горация знал всего наизусть. В то же время познания его в математике дали ему возможность как нельзя более легко перейти от гуманитарных наук к астрономии. То же самое замечаем мы и в жизни Струве. Есть большое основание предполагать, что он приехал в Дерпт, имея некоторое знакомство с астрономией,